

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

Ирина Морозова

LANGUAGE INTERACTION AND SOCIOCULTURAL IDENTITY IN A MODERN MULTICULTURAL SOCIETY

Irina Morozova

ABSTRACT: The article covers different variants of language interaction in the modern world – from code-switching to borrowings – resulting from the language contacts (bilingual and multilingual) and reflecting sociocultural changes during the globalization period. Forms and mechanisms for interaction of the Russian and German languages and the formation of sociocultural identity in a multicultural society are analyzed through the example of sociolinguistic situation of the Russian speaking diaspora in Germany.

Key words: language interaction, code-switching, borrowings, sociocultural identity, multicultural society.

Важной характерной чертой развития современного человеческого общества в условиях глобализации являются интенсивные миграционные процессы, отражающие социально-экономические и политические изменения в мире. Во многих сферах жизни можно наблюдать, как стираются этнокультурные различия между народами, как всё больший вес приобретают общие ценности, наднациональные черты. Создаётся даже впечатление, что масштабная миграция размывает социокультурное ядро отдельных этносов и ведёт к потере их идентичности. Глобализация, являясь сложным, многоуровневым процессом, представляет собой единство двух взаимосвязанных процессов – собственно глобализации и локализации, где локальное формируется под воздействием глобального, и в то же время наблюдается обратный процесс: глобальное впитывает в себя элементы локального. Однако по-прежнему открытым остаётся вопрос о путях совмещения глобального и локального как в целом, так и в рамках отдельных культур. Глобализация предполагает распространение универсальных ценностей, оставляя локальным культурам право на самоопределение. Попытки регулирования культурной сферы часто расцениваются как угроза потери национальной, этнической и других видов идентичности. Самобытность культур является необходимым компонентом современных обществ, поскольку принадлежность к определённой социальной общности и типу культуры придаёт людям уверенность, формирует чувство безопасности и социальной защищённости. Связующее ядро культуры составляют системы ценностей, представлений, поведенческих кодов и мотиваций, упорядочивающих и регламентирующих поведение индивидов. В процессе их усвоения формируется социокультурная идентичность, которая осознаётся в сопоставлении «своего» и «чужого», что в то же время может служить причиной нарушения идентичности. В процессе идентификации субъект распознаёт «своего» или «чужого» в «своём» или «чужом» лингвокультурном пространстве. В межкультурной коммуникации понятие «чужой» имеет ключевое значение, поскольку при восприятии различных инокультурных явлений действуют когнитивные фильтры, позволяющие индивиду выделить себя из среды «других» и «чужих». «Чужая» культура всегда познаётся и оценивается на фоне «своей». Способность различения «своего» и «чужого» является основой собственной лингвокультурной идентичности (Герман 2009).

Процессы глобализации способствуют распространению культурных моделей, которые подаются как общезначимые в рамках единого информационно-коммуникативного поля, границы «своего» и «чужого» постепенно стираются, среди различных групп распространяются однообразные стандарты и символы. В этих условиях идентичность неизбежно претерпевает изменения, приобретая ряд новых, не свойственных данной культуре оттенков. Современные изменения касаются базовых компонентов культуры – языка, духовных ценностей, стандартов поведения, традиций. Идентифицировать себя не

только как личность, но и как члена какого-то социума можно только с помощью языка, который обеспечивает взаимопонимание в данном социуме. Поскольку язык является ведущим инструментом межкультурного взаимодействия, наибольший интерес представляет выяснение роли языкового фактора в формировании социокультурной идентичности. Осознание своей идентичности в рамках принадлежности к той или иной культуре, субкультуре фиксируется в языковом сознании индивида и отражается на его коммуникативном поведении. В условиях глобализации когнитивное пространство традиционной культуры трансформируется, теряются прежние знакомые и понятные ориентиры, появляется чувство нестабильности и неопределённости. Язык также «преобразовывается и перестраивается, чтобы соответствовать новым идентичностям и контурам цивилизаций» (Хантингтон 2003: 87). Люди очень болезненно относятся к попыткам нарушить их традиции, особенно если традиции, привычки, символы стали их личным опытом. Начинается поиск стабильных, проверенных ориентиров, в роли которых чаще всего выступают элементы традиционной этнической культуры. Современные условия диктуют необходимость «расшифровки» прежнего культурного опыта, его переоценки и приспособления к новой ситуации. Следование этим образцам, проверенным многолетней практикой, обеспечивает сохранение привычных условий жизни, самобытности культуры.

Таким образом, в противовес движению к обезличенной однородности ставится задача сохранения культурных, национальных особенностей, происходит усиление первичной идентичности, которая приобретает качественно новые характеристики. Сосуществование разных форм и стилей жизни, разных моделей поведения составляет основу для стабильного и гармоничного развития современного общества, которое и без иммигрантов является неоднородным в культурном смысле: эстетические предпочтения, моральные стандарты и вопросы веры, привычки и запросы – все эти обстоятельства создают самые разные миры, «параллельные» общества. Однако решающее значение имеет тот факт, что этим «параллельным мирам» удаётся уживаться вместе. Для успеха межкультурной коммуникации, полноценного культурного диалога необходимо, чтобы «языковые» личности формировались не односторонне, а в контактирующих культурах, т.е. чтобы осуществлялось движение культур навстречу друг другу, в процессе которого происходит понимание иных ценностей и норм и осознание собственной культурной неповторимости. Полноценное знакомство с культурой другого народа предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, но и попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры. Сделать это можно не иначе, как «узнав» язык, на котором говорят представители данного культурного социума, а точнее – проникнув «в образ мышления нации, в её способ видения мира» (Корнилов 2011: 78).

В связи с современными социокультурными изменениями возникает ещё один важный вопрос, который активно обсуждается как специалистами, так и широкой общественностью: есть ли угроза существованию национальных языков в условиях глобализации, когда стираются грани между культурами, а средством межкультурного общения становится английский язык, претендующий на роль мирового языка? Англицизмы (американизмы) стремительно проникают в языки современных наций и приносят с собой также представления и ценности чужой культуры, распространяя тем самым «американский образ жизни». Английский язык, который используется людьми различных языковых групп и культур для общения друг с другом, бесспорно, является прежде всего межкультурным средством общения. И хотя его часто называют «*lingua franca*», по мнению С. Хантингтона, язык, не являющийся родным для 92% мирового населения, не может быть мировым языком, это «средство общения, а не источник идентичности или общности» (Хантингтон 2003: 87). Использование английского в качестве средства межкультурного общения помогает поддерживать и даже усиливать различные культурные идентичности народов. «Именно потому, что люди хотят сохранить свою собственную культуру, они пользуются английским для общения с людьми из других культур» (Хантингтон 2003: 87).

Тем не менее английское «одноязычие» воспринимается многими как опасность для других, неанглоязычных, культур. Не переведённые на английский язык труды немецких, итальянских, французских учёных, прежде всего гуманитариев, не воспринимаются в англофонном мире. Кроме того, проведение международных конференций преимущественно на английском языке отсекает какую-то часть потенциальных участников, которые могли бы представить результаты своих исследований на своих родных языках. Дело не в том, что кто-то из учёных недостаточно владеет английским языком, а в том, что при переводе или просто изложении содержания на неродном языке неизбежно теряется какая-то часть смысла. Это касается почти всех разделов гуманитарного знания, особенно философии, литературы, юриспруденции. Наверное, было бы прекрасно, если бы учёные всего мира говорили на одном языке (как это было в средние века, когда языком науки была латынь). Но для мысли, в том числе для научной мысли, важно не только содержание, но и форма, т. е. как это содержание выражено. «Переходя на другой язык, мы заимствуем другой язык, другое видение проблем, другой способ рассуждать о мире в целом. А для продуктивности научных исследований плохо, если все будут думать принципиально одинаково» (Плунгян 2011).

Потеря каким-то языком даже части функций – это болезненный и опасный симптом, который, как и в случае человеческих болезней, может сигнализировать о неблагополучии в языковом «организме», что, в конечном итоге, ведёт к утрате престижа в глазах носителей данного языка и к размыванию идентичности. Если человек не может использовать свой родной язык в каких-то важных коммуникативных сферах, то неизбежно возникает чувство неполноценности, которое со временем может развиваться в чувство стыда за свой язык. Так, в Германии общественная элита отворачивается от своего родного языка, воспитывая своих детей в англоязычном окружении – отправляя их в англоязычные школы и в высшие учебные заведения в англоязычные страны. С одной стороны, это обусловлено общими тенденциями глобализации, с другой стороны – специфической немецкой проблемой, связанной с переосмыслением недавнего прошлого страны: получив травмирующий опыт в период нацизма, немцы потеряли веру в свой язык. Чувство стыда за свой родной язык, разумеется, ослабляет лояльность к языку. Но надо помнить, что любой язык служит не только нуждам практической коммуникации: мышление, культура того или иного языкового сообщества передаётся через язык: «Жизнь языка – это жизнь говорящего на нем народа» (Плунгян 2010). Языки умирают часто не потому, что исчезают их носители, а потому, что носители выбирают другие языки. Как правило, в двуязычных или многоязычных социумах один язык постепенно сдаёт позиции другому, имеющему большее политическое и экономическое значение, и вытесняется даже из бытовой сферы. Это обусловлено тем, что, стремясь улучшить своё положение в обществе, определённое поколение не ставит перед собой задачу передать свой язык детям, и родным для их детей становится доминирующий язык. Если эта тенденция сохранится и дети в свою очередь передадут следующему поколению только язык большинства, то со временем разные поколения (даже в рамках одной семьи) будут говорить на разных языках. Язык – это как раз то средство, которое объединяет людей, граждан одного государства, особенно в условиях расслоения общества вследствие социального, имущественного, образовательного и иного неравенства. Язык, прежде всего литературный, объединяет поколения людей, именно нормы литературного языка обеспечивают преемственность речевых и культурных традиций. Расшатывание норм далеко не безобидно, если оно способствует потере понимания между людьми, принадлежащими одной культуре и «как будто говорящими на одном языке» (Гудков 2010: 79). «Расшатанные», «плавающие» нормы не смогут выполнять важнейшей функции языка – функции связи поколений, что грозит будущим поколениям утратой национальной идентичности и приведёт, в конечном итоге, к появлению людей, «не помнящих родства». А таких людей, не осознающих своих корней и даже стыдящихся их, в наше время, к сожалению, становится всё больше. Испытывая кризис идентичности, они начинают подыскивать себе новую идентичность – эрзац-идентичность (Ersatzidentität) (Paulwitz 2003). Неслучайно в последнее время стало модно говорить о различных идентичностях, которые

характеризуют человека, но нельзя забывать о том, что идентифицировать себя не только как личность, но и как члена какого-то социума можно прежде всего с помощью языка, который обеспечивает взаимопонимание в данном социуме.

В многоязычных культурах распространена межкультурная коммуникация, основанная на «смешанных языках» и понимаемая как социальное общение между участниками разнообразных «сцен» или «субкультур» с различными «социолектами». Явление языковой трансференции – наличия тех или иных элементов одного языка в другом – широко представлено в языке иммигрантов, который активно черпает заимствования из языка страны проживания, «переваривая» их и адаптируя к родному языку. Известный по опыту США феномен смешения двух и более языков наблюдается сегодня в большинстве стран Западной и Центральной Европы, где сформировалось или только ещё формируется мультикультурное общество. На примере русскоязычных иммигрантов в Германии можно проанализировать социолингвистическую ситуацию, типичную для современного мультикультурного общества. При этом следует отметить, что условия жизни на «новой» родине позволяют им сохранять свою культурную и национальную идентичность: большинство составляют люди средних лет, часть жизни которых прошла в России (или ещё в Советском Союзе). Сменив место жительства, они оказываются в ситуации двуязычия, контакта двух языков – русского и немецкого. Немецкий язык становится инструментом взаимодействия с государственными институтами, а общение внутри семьи осуществляется по-русски: благодаря родному языку поддерживается связь с «первой» родиной, с родственниками и друзьями, осуществляется доступ к русскому телевидению, русскоязычной литературе, печати и т.д. За последние десятилетия на территории Германии сформировалась многочисленная русскоязычная диаспора со своей медийной, торговой и развлекательной инфраструктурой. Наиболее активная часть этой диаспоры прекрасно освоила немецкий язык, но поскольку базой её успеха является более или менее стабильная русскоязычная среда, то деловая элита заинтересована в сохранении русского языка как средства общения. Поэтому процесс интеграции «русского» в «немецкое» имеет, можно сказать, «разнонаправленный» характер: у «русскоязычных» в Германии стратегия сохранения родного языка идёт вразрез с первоначальным желанием влиться в немецкое общество. Многим из них легче изолироваться, создав свой «русскоязычный мир», чем погрузиться в чужую среду, оказавшуюся не такой «комфортной», как они ожидали. Это, конечно, замедляет процесс интеграции наших бывших соотечественников в немецкое общество, что связано также и с новыми жизненными обстоятельствами – свободой перемещения и доступностью электронных и печатных СМИ на родном языке. Физически большая часть русских живёт в Германии, оставаясь при этом в информационном и – в значительной степени – политическом пространстве России. Поэтому конфликт поколений – родителей, «вывезших» свой язык, и детей – протекает в диаспоре острее, чем в языковой метрополии: дети, вырастая в немецкой среде, предпочитают немецкий язык русскому. Далеко не всем родителям удаётся сохранить равновесие между двумя языками и культурами, да и не все ставят такую цель. В этом случае существует другая опасность: если в семье мало внимания уделяется родной речи, то дети могут вырасти «полуязычными». Полуязычие, так называемый семилингвизм, при котором имеет место частичная утрата родного языка (неполное владение им) и одновременно неполное усвоение другого языка, является следствием недостаточного овладения первым и вторым языками в результате отказа от родного языка прежде, чем был усвоен второй язык. «Если родители отказались от родной речи, вернуться к ней позднее очень трудно: дети повторной смене языка отчаянно сопротивляются» (Мадден 2008: 6). Если дети иммигрантов в Германии в недостаточной степени усваивают дома и среди непосредственного окружения свой родной (первый) язык, а немецкий (второй) язык практически не усваивают вообще, то дефицит знаний немецкого языка, становящийся очевидным к моменту поступления в школу, часто уже не может быть компенсирован. Здесь важно помнить, что языковое развитие не идёт само собой – языком надо заниматься, необходима постоянная тренировка в многоязычии, т.к. оно «не есть нечто

статичное, оно всегда в движении, всегда под угрозой исчезновения», это – «балансирование на шаре: остановишься – упадёшь». (Мадден 2008: 185)

Большинство иммигрантов являются представителями асимметричного билингвизма с одним доминирующим языком. Как правило, это язык, который чаще используется для коммуникации и на котором индивид владеет письмом (Шовгенин 2007: 7). Билингвы обычно «распределяют» языки, которыми они владеют, используя их в зависимости от условий общения: в ситуациях, когда уместен один язык, второй язык «отключается». Например, в официальной обстановке, при общении с властью активизируется преимущественно один язык – язык большинства, а в повседневной жизни, в семье – другой, как правило, «привезённый» родной язык. При этом, если необходимо воздействовать на эмоции и образное восприятие получателя информации, то предпочтение отдается родному языку. Основными формами взаимодействия языков при билингвальном типе коммуникации являются интерференция и переключение кодов. При производстве высказывания в речи билингва происходит неполная деактивация одного из языков или чередование активности двух языков. В первом случае наблюдается его интерференция в речи на другом языке, если компетенция во втором языке недостаточно высокая (Чиршева 2003: 23). Переключение кодов применяется в различных коммуникативных ситуациях, например, при смене адресата, т. е. собеседника, к которому обращается говорящий. Если тот владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последнему приходится использовать знакомый адресату язык. Способность к переключению кодов, как правило, свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком/языками и определённой коммуникативной культуре человека. Механизм кодовых переключений обеспечивает взаимопонимание между собеседниками и относительную комфортность процесса речевой коммуникации.

Переключения языковых кодов, иноязычные вкрапления часто производят комический эффект, что используется в художественной литературе в качестве стилистического средства, характеризующего язык персонажей, например: *«Я не могу дормир в потёмках»* (А.С. Пушкин «Дубровский»). *«В Торонто заарендуешь кар ... выведешь на хайвэй, там возьмёшь шестой экзит, проедешь ровно два майла, на шулдере увидишь голубой шевроле... Фолуй за этим шевроле»* (Владимир Войнович «Москва 2042»). Здесь уместно привести слова Татьяны Толстой по поводу использования «смеси» языков, например, в следующем диалоге: *Фиш свежайший, – уговаривает продавец, – малосольный салмон, к нам аж с Филадельфии ездют. – А джус вон тот, строберри, – что, немецкий? – Джус польский. А вот язык, очень рекомендую, шо-то исключительное. – Та он в аспике? – Ну и то, што в аспике?! Шо, што в аспике?! Мы сами его дома с удовольствием кушаем.*

«Ужас в том, что эти люди, по всем лингвистическим меркам, говорят всё-таки по-русски. Грамматика этого эмигрантского волапука – русская, и никакое количество английских корней, вытеснивших привычные русские корни, не превратит этот язык в английский. Ужас и в том, что ни нормальный русский человек, ни нормальный американец не признают эту языковую плазму за внятную человеческую речь. Тем не менее, на этой плазме изъясняются по всей Америке – много, много людей» (Толстая 2010: 386).

Следует отметить, что границы между «вкраплениями», кодовыми переключениями, и заимствованиями довольно расплывчаты. Во многих случаях трудно определить степень узуализации немецких элементов в русской речи мигрантов. Тем не менее высокая частотность употребления некоторых лексем может свидетельствовать о том, что они уже не индивидуальны, а вошли в лексическую систему русского идиома данной группы говорящих, например: *термин* (der Termin – деловая встреча, назначенная на определенное время), *арбайтсамт* (das Arbeitsamt – биржа труда), *бевербунг* (die Bewerbung – лексема, не имеющая в русском языке однословного эквивалента, означающая: заявление о приеме на работу, о назначении на должность или о зачислении в учебное заведение). Образование новых слов происходит в основном по правилам русского языка с использованием корня, заимствованного из немецкого языка: *бератеры* – *консультанты* (Berater), *бемпойша* – *куратор-женщина* (Betreuerin), *штихпункты* – *основные моменты* (Stichpunkte). Этому

процессу подвержены не только существительные, но и другие части речи: *замельдоваться* (*sich anmelden*) – *зарегистрироваться*; *митовать* (*die Wohnung mieten*) – *снимать квартиру*; *шварцевать* (*schwarz arbeiten*) – *работать «по-чёрному»* (неофициально, не платя налоги); *«абишлэпать»* (*den Wagen abschleppen*) – *эвакуировать автомобиль* (Креативная Qwеля 2011). Использование словообразовательных элементов русского языка преобразует немецкие слова, благодаря чему они приобретают новую экспрессивную форму, какой не имели в родном языке: *ангебот* (предложение) – *ангеботина*; *нудель* (лапша) – *нудельки*; *шпацирить* (гулять) – *шпацирнуть*; *чус* (пока) – *чусики*, *кнайпа* – *кнайпочка*, *фестенький* (твёрденький), *кинд* (ребёнок) – *киндёныш* (детёныш). После того, как заимствованное слово вошло в язык, оно часто начинает "жить своей жизнью", независимой, как правило, от жизни прототипа этого слова в языке-источнике. От заимствованного слова, по мере его полного освоения, могут быть образованы производные слова, претерпевающие те или иные семантические изменения, в результате которых заимствованное слово может получить в языке-реципиенте иное значение, чем в языке-источнике, например: *sozial* (социальный) – *социал* (социальная помощь, социальное пособие) – *жить на социале* (получать социальное пособие) – *социальщик* (получатель социального пособия); *редуцированный* (по сниженной цене, от нем. *reduziert*).

Вот ещё некоторые примеры: *отсылать бевербунги* (заявления о приёме на работу), *подтверждение арбайтсамта* (биржи труда), *переписка с финанцмтом* (финансовым ведомством), *покупать вайсвюрстхены* (белые сосиски) в *метцгерае* (мясной лавке), *жарить братвурсты* (жареные колбаски), *кексен бакен* (печь печенье), *бротхен* (хлебушек) *свеженький*, *с порезанным лаухом* (луком), *гефюльте фиш* (фаршированная рыба), *поспрашивать у бауэров* (фермеров) на *вохэнмаркте* (еженедельном рынке), *моя тохтерхен* (моя дочурка), *майне зюся* (моя сладкая) (Русские в Германии 2011). Такие «миксы» характерны для повседневного общения и используются прежде всего в самых жизненно важных ситуациях: поиск работы, здоровье, еда, покупки. Чем абстрактнее темы, тем больше вероятность языковой «однородности». Бытовая речь больше подвержена переключениям кодов внутри фраз, и здесь как раз широкое «поле деятельности» для языкового творчества.

Какую бы реакцию ни вызывали подобные языковые «миксы», их использование в условиях двуязычия и многоязычия уже превратилось в заметный социокультурный феномен, достойный серьёзного изучения, и подтверждает лишь тот факт, что культурное разнообразие всегда обогащает, потому что оно дает нам возможность научиться видеть привычное, само собой разумеющееся с иной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации: автореферат диссертации на соискание научной степени канд. филол. наук. / Н.Ф. Герман – Челябинск, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnaya-identichnost-subekta-sovremennoi-mezhkulturnoi-kommunikatsii> (дата обращения: 26.03.2012).
2. Гудков Д. Б., Скороходова Е. Ю. О русском языке и не только о нём / Д. Б. Гудков, Е. Ю. Скороходова – М.: Гнозис, 2010. – 206 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
4. Мадден Елена. Наши трехязычные дети / Елена Мадден – СПб: Златоуст, 2008. – 306 с.
5. Плунгян Владимир. О (бес)конечности языка / Владимир Плунгян // Русский Журнал [Электронный ресурс] URL: http://old.russ.ru/krug/19991022_plun.html (дата обращения: 29.04.2010).
6. Плунгян Владимир. Тезисы по теме «Язык будущего. Как мы будем говорить?» / Владимир Плунгян // Тематические досье проекта «www.goethe.de/russland – диалоги о

модернизации» [Электронный ресурс] URL:

<http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/spr/ein/ru7362918.htm> (дата обращения: 20.03.2011).

7. Русские в Германии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cccp.de/talk/> (дата обращения: 20.05.2011).

8. Толстая Т. Надежда и опора. Сердца горестные заметы / Татьяна Толстая // День. – М., 2010. – С. 385-390.

9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон – М.: Издательство АСТ, 2003. – 603 с.

10. Чиршева Г.Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г.Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 6. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 63-79.

11. Креативная Quelia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strannik.de/quelia> (дата обращения: 10.03.2012).

12. Paulwitz Thomas. Sprache und Identität / Paulwitz Thomas // Deutschland Journal. Ausgabe 2003 [Электронный ресурс] URL:

http://www.deutschlandjournal.de/Deutschland_Journal_Ausgabe_20/Sprache_und_Identitat.pdf (дата обращения: 22.05.2011).